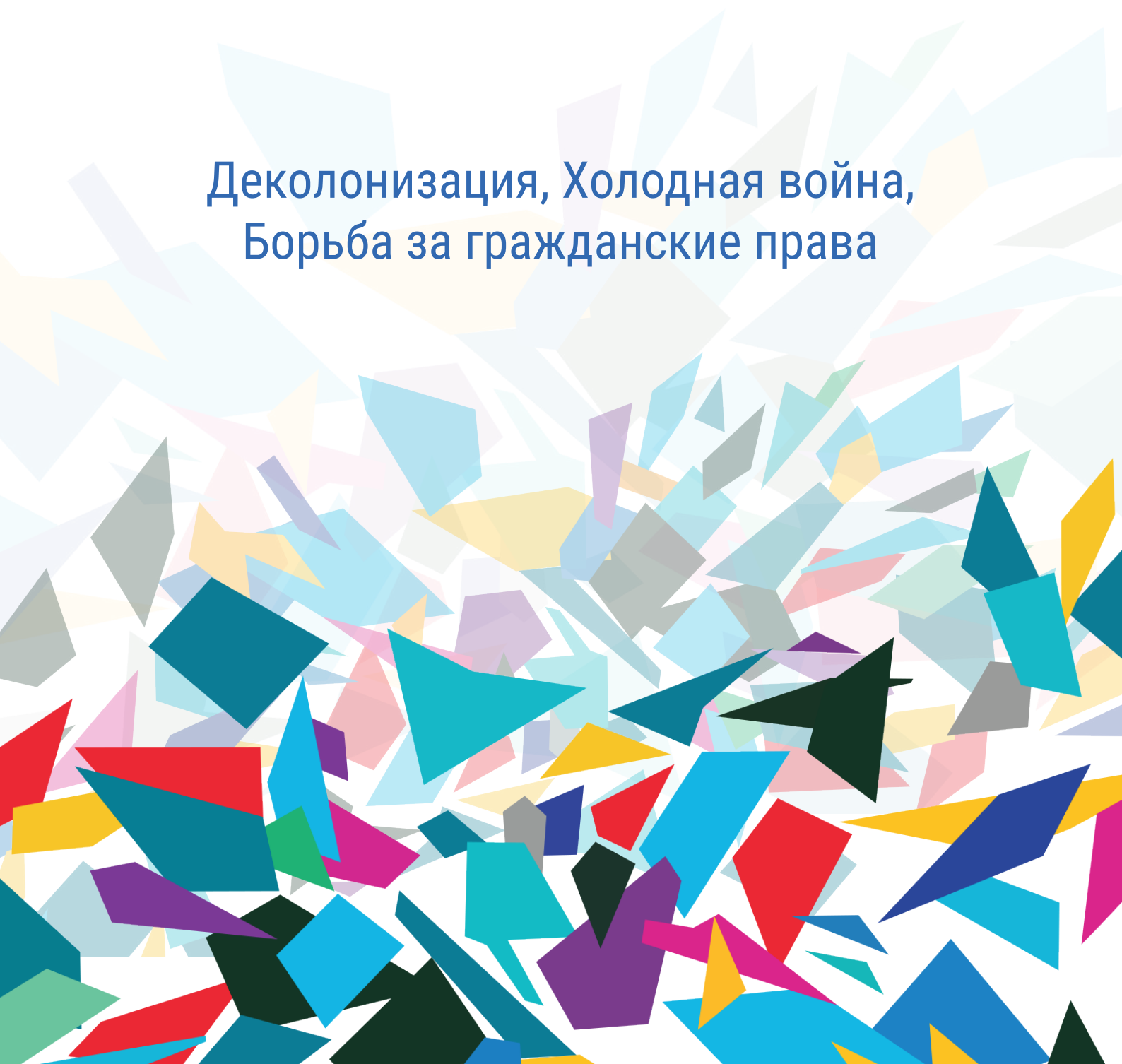

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Деколонизация, Холодная война,
Борьба за гражданские права

Продолжительный экономический рост стал фоном для мощных политических и социальных потрясений, всколыхнувших планету в послевоенные десятилетия. Окончание войны не привело к воцарению безусловного мира; пришедшие на смену европейским великим державам сверхдержавы перешли от сотрудничества к острейшему соперничеству за глобальное превосходство. Так называемой холодной войне сопутствовал и содействовал процесс деколонизации, приведший к окончательному распаду европейских колониальных империй и появлению сотни суверенных государств. Удерживаемые от открытого прямого конфликта страхом ядерной войны, сверхдержавы максимально использовали новые геополитические возможности, самыми разнообразными средствами – от массивной экономической помощи до военных интервенций – пытались установить свое исключительное присутствие в оставленных европейскими империалистами регионах.

Далеко немаловажным в этой глобальной борьбе был «риторический момент», связанный со стремлением СССР и США продемонстрировать нравственное превосходство своей системы – а именно, ее «гуманизм», «прогрессивную» природу, демократизм, большее соответствие идеалам социальной справедливости. Оставляя в стороне вопрос искренности таких аргументов (хотя, абсолютно неискренними они быть не могли), идеологическое состязание за умы миллионов жителей планеты вписывалось в контекст «глобального пробуждения» – проявившемся в массовых протестах, демонстрациях и борьбе с многоликими формами социального и политического неравенства.

Следует заметить, что ситуация, обусловленная соперничеством сверхдержав, не была в своей природе неустойчивой, стремящейся к большей степени хаоса. Несмотря на продолжающийся антагонизм в отношениях США и СССР, последние осознавали риски, связанные с ядерной войной. В такой войне, в случае ее начала, не могло быть победителей, а побежденными оказывались все – если, конечно, человечеству вообще предстояло пережить ядерный Армагеддон. У сверхдержав, поэтому, было понимание, что существует некая линия, переступить которую нельзя было ни под каким предлогом.

Безусловно, были моменты, когда человечество, казалось, находилось в шаге от фатального столкновения – к таковым можно отнести начавшуюся в 1950 году Корейскую войну и Карибский кризис 1962 года. В первом случае дошло до открытой – пусть и необъявленной – войны США с основным азиатским союзником СССР – Китаем. В 1962 году уже речь шла о потенциальном вторжении США на Кубу, спровоцированным наращиванием советского военного, в частности ядерного, присутствия на острове. В обоих случаях, советские и американские лидеры предпочли компромисс перспективе взаимного уничтожения: так, Корея, после 3-х лет войны, была разделена на северную, просоветскую и южную, проамериканскую, половины. Карибский же кризис закончился единовременным сворачиванием программы советского ядерного строительства на Кубе и отводом американских ракет из Турции.

На самом европейском континенте, после раздела Германии на Восточную – ГДР – и Западную – ФРГ – половины, сверхдержавы, в общем-то, пришли к принятию установившихся зон влияния. США не вмешивались в дела контролируемого СССР соцлагеря, а СССР оставался в стороне от активного участия во внутренней жизни Западной Европы. В частности, США и НАТО не оказали никакой значимой помощи восставшим в 1956 году венграм (невзирая на их призывы); сохранили они нейтралитет и в августе 1968 года, когда войска стран Варшавского договора положили конец попыткам чехословацких либералов построить «социализм с человеческим лицом.» Со своей стороны, СССР долгое время держал в узде западноевропейских коммунистических товарищей, сила и популярность которых, особенно в послевоенных Франции и Италии, были значительными. Символом стабилизации обстановки в разделенной на два лагеря Европе стала Берлинская стена, воздвигнутая в 1961 году вокруг Западного Берлина с целью пресечь дальнейшую эмиграцию восточных немцев на запад. После показательного выражения своего глубокого негодования, Америка приняла стену, как лучшее из существующих решений. Президент Джон Кеннеди верно отразил общие настроения, признав, что стена, не являясь «элегантным решением, все же в тысячи раз лучше войны».

Такой подход взаимного дистанцирования от сфер влияний применялся, в основном, к Европе и к уже устоявшимся союзникам СССР и США. За пределами этих регионов, в областях, получивших вскоре обобщающее название «Третьего мира», действовали иные

правила. Во многом это было обусловлено тем вакуумом власти, возникшего вследствие распада европейских империй. Вопреки заявлениям, колониальная администрация не предпринимала значительных усилий по подготовке колоний к суверенному существованию. Государства, заменившие собой на картах колониальные владения, оказывались зачастую без элементарных инструментов управления. Им были нужны технически образованные кадры, критически не хватало финансовых ресурсов; необходимо им было и современное вооружение для поддержки границ и внутреннего порядка.

Все это – специалистов, инвестиции, оружие – могли предоставить сверхдержавы. С их помощью строились школы, инициировались массовые стройки на подобие Асуанского гидроузла, проводились реформы, направленные на механизацию сельского хозяйства. У всего этого была цена в виде лояльности по отношению к бенефактору; лояльность подразумевала как поддержку элитами новообразовавшихся государств внешнеполитического курса спонсирующей сверхдержавы, так и перевод экономики на предлагаемую сверхдержавами модель: плановой экономики или экономической либерализации. Впрочем, далеко не все и далеко не всегда оперировали в рамках подобной, клиентелистской геополитики. Биполярность позволяла молодым государствам проводить собственную политику, лавируя между сверхдержавами. Египет и Сирия, к примеру, два арабских государства, взявших курс на модернизацию, являлись долгое время получателями советской военной и финансовой помощи; это, однако, не мешало Сирии приглашать американских высших дипломатов и принимать американские кредитные транши, а Египту с приходом нового президента Анвара Садата полностью переориентироваться на США.

Сам демонтаж империй, обусловивший динамику холодной войны за пределами Европы, проходил по разным сценариям. Так, на Филиппинах в 1946 году или на Цейлоне в 1948 передача власти от колониальной власти в руки местных институтов произошла быстро и без каких-либо конфликтов. Практически в одночасье была провозглашена независимость колоний, составлявших Французскую Западную и Экваториальную Африку; на их месте в 1960 году возникло полтора десятка новых государств, часть из которых, правда, осталась связана с бывшей метрополией военными договоренностями и тесным культурным сотрудничеством.

Иначе развивались события в некоторых из Британских колоний. В частности, в Кении и в Малайе 50-е годы были отмечены вооруженными восстаниями коренного населения против колониальных властей. В обоих случаях Британии пришлось послать значительные контингенты в помощь колониальным ополчениям; регулярным войскам, после нескольких лет контрпартизанских операций, удалось разбить повстанцев и восстановить власть центра. Несмотря на неудачный исход, восстания оказались прелюдией к обретению в 1957 году Малаеи и в 1963 году Кенией – независимости. Порядок обходился империи слишком дорого, чтобы продолжать поддерживать в разных уголках планеты престиж Британской короны.

Кровавый и разрушительный конфликт разгорелся в 1954 году в Алжире. Французы, позволившие в 1956 году Тунису и Марокко выйти из-под протектората Франции, не были готовы к предоставлению автономии Алжиру – территории, воспринимаемой как полуторамиллионной европейской алжирской диаспорой, так и многими жителями самой Франции, в качестве органического продолжения метрополии. Колониальной администрации и франкоалжирцам (так называемым пье-нуар, «черноногим») противостоял организованный алжирскими националистами Фронт национального освобождения. Война здесь принимала формы не только вооруженных столкновений между французской армией и повстанцами, но и террористических атак в европейских кварталах приморских городов. Следствием этой войны стало падение Французской четвертой республики и приход к власти генерала Шарля де Голля, одного из героев французского сопротивления нацистам. Де Голль сделал попытку не «сдавать Алжир»; поняв, однако, к 1960-у году безвыходность сложившейся ситуации, он начал переговоры с представителями ФНО. Два года спустя, после проведения референдума в Алжире, страна получила независимость; за ней последовал массовый исход находившихся в стране европейцев.

Страной, понесшей наибольшие потери в ходе деколонизации, стал Вьетнам. На момент подписания Женевских соглашений в 1954 году, в регионе война уже шла 14 лет – с японского вторжения в 1940 году. На месте Французского Индокитая возникло 4 государства – Лаос,

Камбоджа и поделенный на коммунистический Север и антикоммунистический Юг Вьетнам. Война между последними казалась неизбежной, особенно в виду растущей непопулярности коррумпированного режима южновьетнамского католика Нго Динь Зьема. США, в соответствии со своей доктриной «сдерживания» коммунистической экспансии, поддерживали Южный Вьетнам деньгами, оружием и военными специалистами, что, однако, не давало перевеса южновьетнамским войскам в их борьбе с Вьетконгом – спонсируемой Северным Вьетнамом военно-политической организацией, начавшей партизанскую войну за объединение страны.

С 1964 года, избавившись в результате переворота от Зьема, США взяли на себя основное бремя войны. Их военное присутствие увеличилось с нескольких сот советников до 600 тысяч в 1968 году. Боевые действия с партизанскими отрядами, так и с регулярными формациями Вьетконга, сопровождались массовой резней жителей, политическими убийствами, ковровыми бомбардировками напалмовыми бомбами. К началу 70-х военный театр расширился, включив, помимо Южного и Северного Вьетнама, регионы Лаоса и Камбоджи – двух суверенных государств. На них, в общей сложности, было сброшено около 7,5 миллионов тонн – что превышало в три раза общее количество сброшенных американцами во время Второй Мировой Войны бомб. Этим усилий оказалось недостаточно, чтобы покончить с коммунистами и помешать продвижению Севера на юг. В 1973 году армия США покинула регион, оставив Южный Вьетнам один на один с Северным Вьетнамом. Падение первого не заставило себя ждать, и уже в 1975 году, северо-вьетнамские танки катились по улицам Сайгона, южно-вьетнамской столицы, переименованной в честь основателя Индокитайской Коммунистической Партии в Хо Ши Мин.

Эта война, ставшая, после Второй Мировой Войны, самым дорогим конфликтом в истории США, обошлась американцам в 60 тысяч убитых и 300 тысяч раненых. Сколько погибло вьетнамцев точно никто не знает, но счет идет на миллионы.

Выходу Америки из затяжной и малоперспективной войны способствовало движение протеста, ставшее в 60-х годах глобальным явлением. По существу, оно отразило появление международного гражданского общества. Факторов, сыгравших роль в его становлении, было множество: рост грамотности в странах третьего мира; обусловленный политикой социального государства доступ к высшему образованию в странах первого мира; ускорившийся обмен информацией; экономический рост и вызванные им социальная мобильность, лабильность и чувство тревоги. Ключевым была и всеобщая политизация населения, что сопровождала процесс деколонизации и стычки – не только, и даже не столько военные – холодной войны. Лидерам антиколониальных движений, вождям коммунистических партий, ведущим политикам «свободного мира» требовались идеологизированные, мобилизуемые граждане, преданные телом, а главное, душой тем идеалам, с помощью которых власть обосновывала свое существование и свои действия. Если для одних политизация была формой «идеологической обработки», то для многих других, переживших это время, перипетии деколонизации и напряжение советско-американского противостояния, стали настоящей школой гражданского активизма, вышедшего из-под контроля власть имущих. В этой связи, протестное движение 60-х и 70-х годов можно обозначить, как кульминационный момент в подъеме массовой политики, анонсированной почти двумя веками ранее событиями Французской Революции.

Программы протестных движений были самыми разнообразными, хотя, конечно, все они вдохновлялись желанием построения лучшего, справедливого общества. В Америке и Южной Африке люди протестовали против расизма и сегрегации. Бок о бок с такими лидерами за права чернокожего населения, как Мартин Лютер Кинг и Малкольм Икс, действовали требующие социального и экономического равноправия феминисты «второй волны», борцы с дискриминацией против иммигрантов, сторонники предоставления прав коренным народам. В Европе, выросшая уже в эпоху благополучия молодежь настаивала на пересмотре традиционных ценностей. Их интересовала не стабильность любой ценой, а доступ к образованию, наличие социальных лифтов, снятие табу с вопросов исторической памяти и половых отношений, и, конечно же, дилемма классового неравенства в государстве якобы всеобщего благосостояния. В 1968 году, студенческие волнения, совпавшие с забастовками рабочих, прокатились по всей Западной Европе. Им вторили выступления против войны во Вьетнаме в США, демонстрации против политического истеблишмента в Мексике, движение за либерализацию политического климата в Чехословакии и Польше.

Результаты протестов однозначными назвать невозможно. Во Франции протестное движение выдохлось достаточно быстро, став, своеобразным предвестником конца периода экономического роста, заложившего материальную базу нематериальным требованиям студентов. В США правительство взяло сторону умеренного крыла демонстрантов, объявив сегрегацию противоречащей конституции, и приняв ряд «Актов о гражданских правах». В Южной Африке протесты привели к ужесточению режима апартеида и одновременно к эскалации насилия, поставившую страну на грань гражданской войны. В Чехословакии, начавшиеся в стране либеральные реформы стали причиной советского вторжения и временной оккупации страны. С подавлением Пражской весны 1968 года закончилась и относительно свободная «эра шестидесятников» в Советском Союзе; критические взгляды окончательно «эмигрировали» на кухню и в диссидентское подполье.

Судить же об исторической значимости протестов 60-х и 70-х годов было бы расторопным. Они находятся от нас слишком близко по времени; кроме того, практически все программные пункты демонстрантов тех лет – конец расовой дискриминации, борьба за гендерное равноправие, предоставление экономической безопасности уязвимым слоям общества – остаются ключевыми в социальной повестке текущего дня.